

the fact that the obligations of the three participating parties will always remain problematic and demand a «fine tuning» – i.e. a non-stop problematization and reproblemation, interpretation and reinterpretation.

Key words: humanities, university, department of philosophy, communicative rationality, critical thinking, dissenting community, uncertainty, epistemic object, academic capitalism.

В.С. НИКОЛЬСКИЙ, д. филос. наук
Московский государственный
индустриальный университет

«Академическая свобода» как язык самоописания университета

Статья посвящена осмыслению идеи академической свободы в меняющемся социокультурном контексте. Предложен ряд аргументов в поддержку принципа академической свободы. Делается вывод о том, что академическая свобода является естественным правом, защита которого нравственно и юридически обязательна при любых обстоятельствах.

Ключевые слова: университет, академическая свобода, университетская наука, научная истина.

На наш взгляд, высшая школа находится в положении кризиса не столько по собственной вине, сколько в силу ломки социальных ожиданий. Университеты оказались слишком зависимы от того общества, в рождении которого некогда приняли самое активное участие. Современная ситуация напоминает вторую половину XVIII в., когда резко возросла критика университетов, сопровождавшаяся призывами к радикальным мерам. Великие умы того времени: Дидро, Вольтер, Гольбах и даже Лейбниц – были невысокого мнения об университетах, считая их бесполезными для общественных нужд институтами, и, в свою очередь, многое сделали для низвержения средневековой модели университета как независимой башни из слоновой кости. Из того кризиса университет вышел обновленным до неузнаваемости. Сохранились лишь ярлыки: «университет», «автономия», «академическая свобода», – в которые был вложен принципиально новый смысл. В современных условиях смены социальных ориентиров от университетов также требуют серьезных изменений. Смогут ли они воз-

родить былое величие, зависит от многих факторов.

Университеты уже не ведут, как прежде, общество за собой, не формируют социальных и моральных образцов, они лишь пытаются предлагать услуги по удовлетворению имеющихся в обществе потребностей, формируемых средствами массовой информации. Университет уже не является монопольным обладателем уникального знания и не имеет монополии на его распространение. Знание, транслируемое в вузах, общедоступно не только в традиционном бумажно-книжном, но и, прежде всего, в электронно-сетевом виде, а наши студенты убеждены, что Википедия эффективнее любого учебника. При этом источником истины теперь считается не университет, а средства массовой информации, носителем истины – не ученый, а журналист. Функции же трансляции социальных образцов все чаще осуществляются не школой, а медиасредой.

Ещё недавно нравственное чувство сопротивлялось словам Юргена Хабермаса, что в наше время институты не воплощают

идей [1]. Думалось, напротив: светлая идея университета лишь ждет своих продолжателей. Однако теперь мы вынуждены во многом согласиться с немецким философ. Фактически большинство идей, что когда-то легли в основание университета, потеряли прежний смысл, а имеющийся язык описания университета устарел. Что такое университет? Кто ответит?..

На наших глазах возникает новый договор между университетом и обществом. Проблема, которую предстоит решить, заключается в необходимости осмысления фундаментальных университетских ценностей в изменившемся социокультурном контексте. Мы убеждены: есть принципы, которые позволяли в прошлом и, на наш взгляд, позволят в будущем сохранить университет как уникальное место свободного критического мышления и рождения объективной истины. В качестве такового мы рассматриваем принцип академической свободы.

Он привлекает наше внимание в силу того, что от его осознания и воплощения критически зависит, сохранит ли университет свое суверенное место в системе общественных отношений. При этом надо понимать, что в своей истории, что бы мы ни говорили о его автономии, он являл собой слепок эпохи и в существенной степени зависел от политической власти. Не видать автономии и свободы болонским школярам и магистрам, не поддержи они в добрый час Барбароссу, который после взятия Милана насаждал свое владычество в итальянских землях. А Парижский университет не получил бы папских привилегий, если бы не стал мощным средством воздействия, которым располагала Церковь для распространения религиозной проповеди [2, с. 299]. Университет в своей истории был свободен ровно настолько, насколько ему дозволялось. Да и в наши дни в этом смысле мало что изменилось.

Главный тезис статьи состоит в том, что академическая свобода выступает необхо-

димым условием поиска и обретения объективной научной истины. А поиск и распространение таковой есть основная миссия университета. Поэтому академическую свободу мы трактуем как выражение сущности академической деятельности, а университет – как институционализацию принципа академической свободы. Коль скоро миссия университета заключается в поиске объективной истины как терминальной ценности, в производстве, сохранении и трансляции знания, свободного от внешних предписаний, академическая свобода оказывается онтологическим основанием академической деятельности. Значит, академическая свобода возможна только там, где ведется научный поиск, – научными методами и на основе научной рациональности. Академическая свобода есть поэтому профессиональная обязанность членов академического сообщества, а не только право, которым можно произвольно воспользоваться или не воспользоваться.

Итак, самописание университета через идею академической свободы строится на следующих аргументах.

Во-первых, целью университета является воспитание человека как активного и ответственного гражданина, участвующего в деле сохранения и непрерывного созидания цивилизации для общего блага. Чтобы играть эту роль, университет должен не только осуществлять профессиональное обучение, но также формировать мировоззренческий кругозор личности, находясь, таким образом, на службе всего человечества.

Во-вторых, в своем этическом измерении академическая свобода – это условие социальной ответственности академического сообщества в целом и отдельных его членов. Академическая свобода в плане отношения к научному этосу является базовым ценностным принципом, формирующим условия реализации идеалов и норм научной деятельности. Этот тезис весьма актуален сегодня в связи с ростом бюрократических требований, осуществляющих под-

мену моральной категории ответственности «экономическими» показателями отчетности.

В-третьих, страсть к познанию — это потребность человека, удовлетворение которой зависит от степени его свободы в личном поиске истины. В силу того что академическое сообщество представляет собой значительный сегмент гражданского общества, обеспечение академической свободы есть обязанность властных инстанций, т.е. государства. Ценность знания и академической свободы как условия его обретения, сохранения и развития измеряется их объективной значимостью для широких слоев населения. Большинство этических принципов, которые упоминаются сегодня в связи с демократическим государственным устройством, могут быть использованы, по нашему мнению, также и для легитимации академической свободы. По словам Э. Левинаса, «Этика — предпосылка всякой культуры и всякого значения» [3, с. 624]. Исторически такие идеи, как поиск истины, развитие личности и создание просвещенного государства, неразрывно связаны с проектом университета [4].

Наиболее весомый аргумент в пользу академической свободы опирается на рассмотрение социальной роли преподавателей и ученых в открытии и распространении объективной истины. Он близок классической защите свободы слова Дж. Ст. Миллем, изложенной им в эссе «О Свободе»: «Особое зло подавления мнений в том, что обездоливается все человечество, и те, кто против данной мысли, еще больше, чем ее сторонники. Если мысль верна, они лишены возможности заменить ложь истиной; если неверна, теряют (что не менее нужно) ясный облик и живое впечатление истины, оттененной ложью» [5, с. 13]. Как мыслитель поясняет далее, мы можем обоснованно защищать истину, только если у наших оппонентов есть безоговорочная свобода противоречить нашим убеждениям: «При несовершенстве нашего разума интересы

истины требуют разницы мнений» [5, с. 23]. В силу этого «никогда нельзя быть уверенным, что мнение, которое хочется подавить, ложно» [5, с. 13].

Мысль о том, что достижение истины для пользы общества есть главный аргумент в обосновании академической свободы, довольно распространена [6]. Действительно, многие рассматривают академическую свободу просто как право на поиск истины. «Академическая свобода — ... [есть] право университетских преподавателей следовать в своих исследованиях туда, куда бы они их ни привели, и преподавать результаты исследований студентам, основываясь на собственном понимании истины» [7]. В силу того что общество заинтересовано в достижении истины, у него есть неявный импульс к защите свободы мысли и слова вообще и, более определенно, к защите свободы научных исследований. У общества, которое стремится к достижению истины, есть и заинтересованность в поддержании широкого доступа к научным данным и информации, а университеты с их «коммунистическим» идеалом, по выражению Р. Мертона, как будто специально созданы для того, чтобы обеспечивать циркуляцию научных знаний.

Между тем право на свободу слова далеко не всегда содействует открытию именно истины. Поэтому академическое сообщество сохраняет за собой право пресекать явную ложь или намеренную фальсификацию, бороться с плагиатом и псевдонаукой. Надо понимать и специфику современного момента, заключающуюся в том, что результаты исследований в силу их внешнего финансирования принадлежат заказчику. Интеллектуальная собственность в наши дни не принадлежит всецело ученым-одиночкам, а финансируется и присваивается мощными экономическими институтами. Коммодификация знания есть путь к ограничению не только академической свободы, но и элементарного обмена научной информацией, критически необходимого

для развития науки. Так называемая диверсификация источников финансирования университета является панацеей только на первый взгляд. Реализация этой стратегии означает выход университета в пространство конкурентного рынка, что ведет к трансформации ценностно-целевых оснований его деятельности. Надо признать, что «стоит принципу полезности возобладать в сознании человека, как он вытесняет все иные регулятивы» [8, с. 175]. Администрация вуза, оказавшись в таких условиях, начинает руководствоваться целями, далекими от академических, а именно эффективностью и рыночной целесообразностью исследований в противоположность их истинности и фундаментальности.

Истина является не косвенным, вторичным продуктом индивидуальных интересов различных социальных агентов (как это случается на «рынке идей»), но главной целью университета. Поиск истины осуществляется целенаправленно и систематически. Независимо от поля научного знания или дисциплины тот, кто становится членом академического сообщества, берет на себя обязательство не только передавать имеющиеся идеи, но также критически их проверять и следовать за научным методом туда, куда он ведет. Академическая свобода является, таким образом, фундаментом академической деятельности. Подчеркнем, что отстаиваемая нами академическая свобода вовсе не тождественна древним привилегиям служителей башни из слоновой кости, это свобода не столько личности, сколько деятельности.

* * *

Действительность показывает, что современные университеты, стремясь сохранить себя в конкурентной среде, сосредотачиваются не столько на поиске истины, сколько на повышении своего институционального престижа с целью привлечения студентов и увеличении необходимого финансирования. А члены академического сообщества мотивированы при этом бесчислен-

ными частными интересами, такими как повышение социального статуса и заработной платы, достижение властных позиций и т.д.

Указанные «корыстные» интересы, безусловно, влияют на мотивацию людей, занимающихся наукой и образованием. Но университет отличается тем, что он не налагает на ученых и преподавателей строго сформулированных целей или требований эффективности, по крайней мере, не до такой степени, как это можно видеть в коммерческих корпорациях. И различие здесь качественное. Другими словами, общество получает специфическую пользу, если позволяет университетам организовывать свою деятельность на основе принципа академической свободы, не накладывая на работников жестко сформулированных прагматичных целей или твердых стандартов эффективности. В этом смысле именно академическая свобода представляет собой принцип академической организации [9].

Принцип академической свободы в таком случае утверждает, что ученые-преподаватели должны быть ограждены от внешнего давления, как, например, при учреждении пожизненной должности (тенюре). Здесь предполагается, что если профессорам предоставляется удовлетворительный доход, они менее мотивированы финансовыми интересами, что необходимо для ведения фундаментальных исследований. Напротив, университет, который поощряет прежде всего материально привлекательные контракты, в конечном счете теряет надлежащую репутацию. Оценка Д. Бока относительно возможной угрозы коммерциализации в современном американском высшем образовании является, на наш взгляд, наиболее сбалансированной и умеренно оптимистичной. Коммерческие организации привлекают ученых высокой заработной платой, в то время как университет привлекает преподавателя большей степенью свободы, подкрепленной профессиональной безопасностью и ореолом общественного признания [10].

Что же касается частных интересов ученых, то многие из них вполне совместимы с идеалами беспристрастного исследования. Если определенный тип деятельности также служит и личным интересам, то это не обязательно означает, что рассматриваемая деятельность будет выполнена с целью служения именно этим интересам. Точно так же мы не можем назвать альтруизм эгоизмом на том основании, что результаты самоотречения в пользу общего блага в итоге распространяются и на того, кто этому благу служит. Личный интерес и беспристрастный поиск истины, таким образом, вполне совместимы. В силу того что беспристрастный поиск истины является фундаментальным для понимания университета, он влечет за собой не только большую профессиональную свободу, но и более строгие нормы профессиональной этики. Поиск истины, таким образом, фактически обеспечивается диалектикой академической свободы и профессиональной этики.

Если мы хотим развивать университетскую науку, то должны отстаивать ту простую мысль, что наука преследует в первую очередь свои цели, а не экономические или политические. Не следует накладывать на университет несвойственные ему функции, иначе мы воспроизведем ситуацию, о которой с замечательным сарказмом писал А.Ф. Лосев: «Свобода науки – там, где нет объективной истины и нет веры в объективную истину, а есть вера в субъективный рассудок. У нас же есть объективная истина, это – пролетариат и производственная жизнь. Какая же может быть тут «свобода» науки? Не потому Бога нет, что это доказала наука (наука и рассудок могут доказать все, что угодно), но потому, что этого хочет пролетариат» [11, с. 128].

На наш взгляд, общество должно определить высокую степень свободы для университета также и потому, что он выполняет критическую функцию обучения профессионалов и определения критериев профессионального знания и тем самым

содействует благосостоянию всего общества. Мы приходим, таким образом, к современной версии аргумента Канта, выдвинутого им в «Споре факультетов». Кант требует академической свободы для «низшего» факультета (философии), полагая, что только он один может действовать как критик основ «высших» факультетов (права, богословия, медицины) и соответствующих дисциплин. Президент Корнелльского университета Франк Родес в этой связи удачно заметил, что университет осуществляет «рефлексию об этических обязательствах и социальных последствиях каждой профессии» [12, р. 34].

В завершение сравним деятельность работника университета с так называемыми творческими профессиями. Часто говорят, что профессию живописца, музыканта и т.п. выбирают по призванию, из «любви к искусству», поскольку, по-видимому, от нее нет очевидных финансовых приобретений. Смысл идентификации между человеком и его профессией в таких случаях глубокий и подлинный. Между тем профессии ученого и преподавателя в этом плане подобны творческим. И те и другие исходят из имманентной потребности или импульса; у тех и других есть смысл, который очевиден только для профессионального сообщества; в обоих случаях широкая общественность зачастую не способна адекватно оценить продукты их деятельности. И последнее: центральное значение для обоих типов профессий имеет коммуникация. Столь же трудно полагать, что исследователь удовлетворил бы свой творческий импульс, сохраняя режим секретности результатов, как трудно вообразить драматурга полностью удовлетворенным производством, никем не прочитанным или не поставленным на сцене. Поэтому сокращение академической свободы вредит не только профессиональной чести преподавателя (ученого), но также и его человеческому достоинству. Это позволяет утверждать, что академическая свобода является есте-

ственным правом, защита которого оправданна как нравственно, так и формально-юридически.

Литература

1. Хабермас Ю. Идея университета. Процессы обучения // *Alma mater. Вестник высшей школы*. 1994. № 4.
2. Жильсон Э. Философия в средние века: От истоков патристики до конца XIV века. М.: Республика, 2004.
3. Левинас Э. Гуманизм другого человека / Пер. с фр. И.С. Вдовиной // *Избранное: Трудная свобода*. М.: РОССПЭН, 2004.
4. Simons M. 'Education through research' at European universities: Notes on the orientation of academic research // *Journal of Philosophy of Education*. 2006. V. 40. P. 31–50.
5. Милль Дж. О свободе / Пер. с англ. А. Фридмана // *Наука и жизнь*. 1993. № 11.
6. Шишков И.З. В поисках новой рациональности: философия критического разума. М.: Едиториал УРСС, 2003.
7. Glenn C.L. University mission and academic freedom: Are they irreconcilable? // *European Journal for Education Law and Policy*. 2000. V. 4. P. 41–47.
8. Апресян Р.Г. Нормативные модели моральной рациональности // *Мораль и рациональность*. М.: ИФ РАН, 1995.
9. Polanyi M. The foundations of academic freedom. *The Lancet*. 1947. P. 249, 583–586.
10. Бок Д. Плюсы и минусы коммерциализации // *Отечественные записки*. 2003. № 6 (15); Bok D. Universities in the marketplace: The commercialization of higher education. Princeton: Princeton University Press, 2003.
11. Лосев А.Ф. Дополнение к «Диалектике мифа» (новые фрагменты) // *Вопросы философии*. 2004. № 8.
12. Rhodes F.T. The creation of the future: The role of the American university. Ithaca: Cornell University Press, 2001.

NIKOLSKY V.S. ACADEMIC FREEDOM AS A UNIVERSITY'S LANGUAGE OF SELF-DESCRIPTION

The key theme of the article is a comprehension of the idea of academic freedom in conditions of socio-cultural context changing. The author adduces a number of arguments for supporting the principle of academic freedom as a necessary condition for scientific search and finding scientific truth. The academic freedom is treated as a manifestation of academic activities, while the University is viewed as an institutionalization of the principle of academic freedom.

Key words: university, academic freedom, university science, scientific truth.

